

Никколо Амманити

Ты и я

NICCOLO AMMANITI

Io *e* te

НИККОЛО АММАНИТИ

Ты и я

Перевод с итальянского
Ирины Константиновой

издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44
А62

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Амманити, Никколо

А62 Ты и я : роман / НИККОЛО АММАНИТИ; пер. с итальянского
И. КОНСТАНТИНОВОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 160 с.

ISBN 978-5-17-079634-2

Критики считают имя Никколо Амманити новым итальянским синонимом слова “галант”. Его романы и рассказы переводятся на множество языков, удостоиваются престижных литературных премий, экранизируются — на сегодняшний день по произведениям Амманити снято шесть художественных фильмов. Миниатюрный шедевр “Ты и я” (2010) вдохновил великого режиссера Бернардо Бертолуччи на возвращение к работе после долгих лет молчания и таким образом стал мировым бестселлером дважды — в литературе и в кинематографе. Четырнадцатилетний социопат Лоренцо Куни обманывает родителей: сделал вид, будто уехал кататься на лыжах с одноклассниками, он неделю тайно живет в заброшенном подвале собственного дома. Против его воли к нему присоединяется сводная сестра Оливия, пользующаяся в семье странной и нехорошей репутацией. Молодые люди и представить себе не могли, что принесут им эти несколько дней совместного добровольного заточения.

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-079634-2

- © 2010 by Niccolò Ammaniti
- © И. Константинова, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ©

Поистине в ночном мраке
моей души всегда
три часа утра.

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД
Эпоха джаза

But can you save me?
Come on and save me
If you could save me
From the ranks of the freaks
Who suspect they could never love
anyone¹.

AIMEE MANN
Save Me

1 А сможешь спасти?
Тогда действуй!
Ах, если б ты сумел спасти меня,
Изгоя, которому страшно, что он больше
не способен любить... (англ.)

Мимикрия проявляется, когда какое-то безвредное животное использует свое сходство с опасным существом, живущим на одной с ним территории. Оно имитирует его окраску и поведение и пугает всех встречных — таким образом ему удастся выжить.

ЧИВИДАЛЕ ДЕЛЬ ФРИУЛИ

12 января 2010

— Кофе?

Официантка смотрит на меня поверх очков. Держит серебристый термос. Протягиваю ей чашку.

— Спасибо.

Она наполняет ее.

— На ярмарку приехали?

Киваю в ответ.

— А что за ярмарка?

— Лошадей.

Она смотрит на меня, надеясь, что объясню, почему оказался в Чивидале дель Фриули. Не дождавись ответа, достает блокнот.

— В каком вы номере?

Показываю ключ.

— Сто девятнадцать.

Она записывает номер.

— Если захотите еще кофе, можете сами налить в буфете.

— Спасибо!

— Не за что.

Ты и я

Когда она удаляется, достаю из бумажника сложенный вчетверо листок бумаги и разглаживаю его на столе.

Эту записку написала моя сестра Оливия десять лет тому назад, двадцать четвертого февраля двухтысячного года.

Мне было тогда четырнадцать лет, а ей ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА.

РИМ

Десять лет тому назад

1 Вечером восемнадцатого февраля двухтысячного года я рано лег спать и сразу уснул, однако ночью проснулся и больше уже не сомкнул глаз.

В шесть десять я лежал, натянув толстое пуховое одеяло до самого подбородка, и дышал открытым ртом.

В доме стояла тишина. Слышались только дождь, стучавший в окно, шаги матери этажом выше — она прошла из спальни в ванную — и сипение, исходившее из моего горла.

Вскоре мама придет будить меня, чтобы отвезти к ребятам.

Я включил лампу в виде кузнечика, стоящую на тумбочке. Зеленый свет упал в угол, где лежали рюкзак, набитый одеждой, куртка, мешок с лыжными ботинками и стояли лыжи.

В промежутке между тринадцатью и четырнадцатью годами я неожиданно вытянулся, словно меня откормили удобрениями, и стал выше сверстников. Мама говорила, что меня, наверное, тянули две тягловые лошади. Я уйму времени проводил перед зеркалом, разглядывая свою бледную кожу, усыпанную веснушками, волосы на ногах. Голову мою украшал каштановый кустарник, из которого торчали уши. Половое созревание изменило черты лица, и между зелеными глазами у меня выступал крупный нос.

Я поднялся и полез в карман рюкзака, лежавшего у двери.

— Перочинный нож тут. Фонарик тоже. Все есть, — прошептал я.

В коридоре послышались шаги матери. Должно быть, она в синих туфлях на высоких каблуках.

Я юркнул в кровать, погасил свет и притворился, будто сплю.

— Лоренцо, проснись. Уже поздно.

Я повернул голову и потер глаза.

Мама подняла штору.

— Какая противная погода... Будем надеяться, что в Кортине лучше.

В тусклом рассвете нарисовался ее тонкий силуэт. На ней были юбка и серый жакет, которые она надевала, когда занималась каким-нибудь важным делом. Глухой свитер. Жемчужное ожерелье. И синие туфли на высоких каблуках.

— Доброе утро. — Я зевнул, как будто только что проснулся.

Она присела ко мне на кровать.

— Дорогой мой, хорошо спал?

— Да.

— Пойду приготовлю завтрак.. А ты умойся пока.

— А что Нихал?

Она поворошила мне волосы.

— В это время он еще спит. Он дал тебе выглаженные майки?

Я кивнул.

— Ну, вставай.

Я и хотел бы подняться, но что-то сдавило мне грудь.

— Что с тобой?

Я взял ее за руку.

— Любишь меня?

Она улыбнулась:

— Конечно люблю.

Она поднялась, посмотрелась в зеркало возле двери и пригладила юбку.

— Ну, давай же, вставай. Сегодня тоже тебя нужно тянуть из постели?

— Поцелуй.

Она наклонилась ко мне.

— Ладно, ведь не на военную службу отправляешься, а всего лишь на “лыжную неделю”.

Я обнял маму, прижался щекой к ее светлым волосам, ниспадавшим на лицо, и уткнулся в шею.

От нее исходил приятный запах. Он почему-то заставил меня подумать о Марокко. Представились узкие улочки со множеством лотков, покрытых какой-то пестрой пылью... Но я никогда не бывал в Марокко.

— Чем это пахнет?

— Сандаловым мылом. Как обычно.

— Дашь мне?

Она подняла брови:

— Зачем?

— Умоюсь, и ты будешь со мной.

Она стянула с меня одеяло.

— Что это еще за новости — умоюсь... Ладно, не дури, тебе некогда будет даже вспомнить обо мне.

Я смотрел из окошка “БМВ” на стену зоопарка, облепленную мокрыми предвыборными плакатами.

Над стеной в вольере хищных птиц сидел на сухой ветке черный гриф. Он походил на старуху в трауре, спящую под дождем.

От включенной печки в машине стало жарко, я с трудом дышал, печень застряло в горле.

Дождь стихал. Супружеская пара — он тучный, она худая — делали гимнастические упражнения на усыпанной подгнившими листьями лестнице Музея современного искусства.

Я взглянул на маму.

— Ну что? — произнесла она, не отрывая глаз от дороги.

Я набрал в грудь побольше воздуха, чтобы заговорить низким голосом моего отца:

— Арианна, пора бы уже тебе вымыть машину. Это какой-то свинарник на колесах.

Она не засмеялась.

— Попрошался с отцом?

— Да.

— Что он сказал тебе?

Ты и я

— Чтобы не делал глупостей и не бегал на лыжах как сумасшедший. — Я помолчал. — И чтобы не названивал тебе каждые пять минут.

— Так и сказал?

— Да.

Она переключила скорость и свернула на виа Фламиниа.

Город уже заполнялся машинами.

— Звони когда захочешь. Ты все взял? Музыка? Мобильник?

— Да.

Серое небо давило на крыши и антенны.

— Аптечку не забыл? Градусник?

— Да.

Парень на огромном скутере смеялся, слушая телефон, засунутый под каску.

— Деньги?

— Да.

Мы проехали по мосту через Тибр.

— Остальное мы, кажется, вместе проверили вчера вечером. У тебя с собой все, что нужно.

— Да, все.

Мы остановились у светофора. Женщина в малолитражке смотрела прямо перед собой. По троту-

ару плелся на поводу у двух лабрадоров старик. Чайка сидела на голом как скелет, увешанном пластиковыми пакетами дереве, стоявшем в грязной луже.

Появись сейчас Господь Бог и спроси меня, хотел бы я быть этой чайкой, я ответил бы да.

Я расстегнул ремень безопасности.

— Выпусти меня здесь.

Она посмотрела на меня, словно не поняла.

— Как здесь?

— Да. Здесь.

Загорелся зеленый.

— Остановись, пожалуйста.

Но она продолжала двигаться. Хорошо, что перед нами замедлил ход мусоросборщик.

— Мама! Остановись.

— Застегни ремень.

— Прошу тебя — остановись.

— Но зачем?

— Я хочу один прийти к ребятам.

— Не понимаю...

Я повысил голос:

— Остановись, пожалуйста.

Мама подъехала к тротуару, выключила мотор и откинула рукой волосы.

— Так в чем дело? Лоренцо, прошу тебя, не начинай... Ты же знаешь, что в такую рань я плохо соображаю.

— Дело в том, что... — Я сжал кулаки. — Все остальные едут без родителей. Я не могу явиться к ним вместе с тобой. Произведу плохое впечатление.

— Объясни... — Она потерла глаза. — Это что же, я должна высадить тебя тут?

— Да.

— Но я не смогу в таком случае поблагодарить родителей Алессии.

Я пожал плечами:

— И не нужно. Я сам это сделаю.

— Об этом не может быть и речи. — И она повернула ключ зажигания.

Я рванулся к ней:

— Нет... Нет... Пожалуйста.

Она оттолкнула меня:

— Что “пожалуйста”?

— Пусты меня одного. Я не могу прийти туда с мамой. Меня засмеют.

— Но что за глупость... Я хочу узнать, все ли в порядке, не надо ли сделать еще что-нибудь. Элементарная вежливость. Я не такая грубиянка, как ты.

— Я не грубиян. Я такой, как все.

Она включила поворотник. Нет, она не уступит. Я не ожидал, что ей так важно проводить меня. Я почувствовал, как меня охватывает гнев. И принялся бить кулаками по ногам.

— Что это с тобой?

— Ничего. — Я так стиснул дверную ручку, что побелели костяшки пальцев. Я готов был вырвать зеркало заднего вида и разбить окошко.

— Ты ведешь себя как маленький.

— Это ты обращаешься со мной как с... — Я ругнулся.

Она метнула на меня быстрый взгляд.

— Не смей употреблять бранные слова. Ты же знаешь, я этого не терплю. И незачем устраивать сцены.

Я стукнул кулаком по приборному щитку.

— Мама, я хочу прийти туда один, черт возьми. — Злость душила меня. — Хорошо. Я никуда не поеду. Теперь ты довольна.

— Знаешь, Лоренцо, я ведь сейчас всерьез рассержусь.

У меня оставался последний козырь.

— Все сказали, что приедут без родителей. И только я, как всегда, появлюсь с мамой. Из-за этого-то у меня все проблемы...

— Не придумывай теперь, будто я виновата, что у тебя проблемы.

— Папа сказал, что я должен быть самостоятельным. Что у меня должна быть своя жизнь. Что я должен оторваться от тебя.

Мама сощурилась и сжала тонкие губы, словно заставляя себя молчать. Потом обернулась и посмотрела на проезжавшие мимо машины.

— Они впервые пригласили меня.. и что теперь станут думать обо мне? — продолжал я.

Она осмотрелась, словно ища кого-то, кто подсказал бы ей, как быть.

Я сжал ее руку:

— Мама, не беспокойся...

Она покачала головой:

— Какое уж тут спокойствие.

Я стоял с рюкзаком за плечами, держа лыжи и мешок с лыжными ботинками, и смотрел, как мама разворачивает машину. Я попрощался с ней и подождал, пока “БМВ” скроется на мосту.

И пошел по аллее Мадзини. Миновал здание Итальянского радио и телевидения. Метрах в ста от виа Соль ди Лана остановился, чувствуя, как ко-

лотится сердце. Во рту ощущалась горечь, будто лизнул медный провод. Рюкзак оттягивал плечи. А пуховик на мне превращался в сауну.

У перекрестка я осторожно выглянул за угол.

В конце улицы возле современной церкви стоял огромный джип “мерседес”. Рядом Алессия Ронкато, ее мама, Шумер и Оскар Томмази. Они укладывали чемоданы в багажник. К “мерседесу” подъехал и остановился “вольво” с парой лыж на крыше. Из машины вышел Риккардо Добожа и подбежал к остальным. Вскоре выбрался оттуда и его отец.

Я отпрянул. Прижавшись к стене и приставив к ней лыжи, расстегнул пуховик и снова посмотрел за угол.

Теперь мама Алессии и отец Добожа осматривали лыжи, лежавшие на крыше “мерседеса”. Шумер пружинил в боксерской стойке и выбрасывал вперед кулаки, как бы нанося Добожу удары. Алессия и Оскар Томмази говорили по мобильникам.

Они ужасно долго собирались, мать Алессии сердилась на дочь за то, что та не помогает ей, Шумер забрался на крышу машины, проверяя, хорошо ли укреплены лыжи.

Наконец они все же уехали.

В трамвае на обратном пути я чувствовал себя идиотом. С лыжами и ботинками, зажатый между служащими в пиджаках и галстуках и мамашами с детишками, ехавшими в школу.

Стоило закрыть глаза, и казалось, будто еду по канатной дороге. Вместе с Алессией, Оскаром Томмази, Добожем и Шумером. И будто даже ощущаю запах шоколадного масла, кремов для загара. Вот, толкаясь и смеясь, мы выбираемся из подвесной кабины, громко разговариваем, не обращая внимания на окружающих, — словом, ведем себя как те, кого мои родители называют грубиянами. Я наверняка захочу сказать что-нибудь забавное, чтобы все посмеялись, пока надевают лыжи. Мне хочется передразнить кого-нибудь, весело пошутить. У меня никогда не получались шутки, которые вызывали бы смех. Нужно быть очень уверенным в себе, чтобы острить на публике.

— Без юмора жизнь печальна, — произнес я.

— Золотые слова, — ответила синьора, стоявшая рядом.

Эту сентенцию о юморе высказал мой отец после того, как однажды на загородной прогулке мой двоюродный брат Витторио запустил в меня коро-

вщей лепешкой. Разозлившись, я подобрал с земли огромный камень и запустил его в дерево, а этот недоумок катался по земле со смеху. Смеялись и мои родители.

Я подхватил лыжи и вышел из трамвая.

Посмотрел на часы. Они показывали семь часов пятьдесят минут.

Слишком рано, чтобы возвращаться домой. Наверняка столкнусь с папой, уходящим на работу.

Я направился к вилле Боргезе, в ту часть, где у зоопарка собакам позволено бегать без поводка. Опустился на скамейку и, достав из рюкзака бутылку, глотнул кока-колы.

В кармане зазвонил мобильник.

Я немного подождал, прежде чем ответить.

— Мама...

— Все в порядке?

— Да.

— Уже едете?

— Да.

— Пробки есть?

Мимо пробежал далматинец.

— Ну есть немного...

— Передай трубку маме Алессии.

Я понизил голос:

Ты и я

— Не могу. Она за рулем.

— Ну хорошо, созвонимся вечером, и я поблагодарю ее.

Далматинец залаял на хозяйку — ему хотелось, чтобы она бросила палку.

Я прикрыл микрофон рукой и побежал к дороге.

— Хорошо.

— Еще созвонимся.

— Хорошо, мама, созвонимся... А ты где? Что делаешь?

— Ничего. Лежу в постели. Хочу поспать еще немного.

— А потом пойдешь куда-нибудь?

— Позднее схожу к бабушке.

— А папа?

— Он только что ушел.

— А, понятно... Ну тогда пока.

— Пока.

Отлично.

А вот и Мартышка, подметает листья во дворе.

Так мы прозвали Франкино, привратника в нашем доме.

Он в точности походил на мартышку, какие живут в Конго, — круглая голова, прилепнутая полоской серебристых волос, венчавших затылок и спускавшихся по ушам на скулы, чтобы соединиться на подбородке, и одна бровь поперек лба. Даже походка у него была необычная. Он двигался сутулясь, слегка наклонившись и покачивая головой, длинные руки висели плетьюми, ладони вывернуты наружу.

Он был родом из Соверато, в Калабрии, там жила его семья. Но работал в нашем доме испокон веку. Я относился к нему с симпатией. А мама и папа терпеть его не могли, потому что, говорили они, слишком фамильярничают.

Теперь предстояло так пробраться в дом, чтобы никто не увидел меня.

Франкино очень медлительный, и уж если начал мести двор, то конца этому не будет.

Укрывшись на другой стороне улицы за грузовиком, я достал мобильник и набрал номер.

Телефон в полуподвале зазвонил. Мартышка долго прислушивался, наконец оставил метлу, вразвалку направился к двери и скрылся на лестнице.

Я схватил лыжи и ботинки и пересек улицу. Едва не попал под “форд”, и тот принял сигнал.

лить. За ним тормознули другие машины, и их водители осыпали меня бранью.

Стиснув зубы, едва не уронив лыжи и рюкзак, резавший плечо, я выключил мобильник и проскользнул в ворота. Миновал заросший мхом фонтан, где жили красные рыбки, и английскую лужайку с мраморными скамьями, на которых невозможно сидеть. Мамина машина стояла у подъезда, возле пальмы, которую мама лечила от красного долгоносика — пальмового вредителя.

Моля Бога, чтобы не встретился кто-нибудь из соседей, я вошел в подъезд, пробежал по красной ковровой дорожке, миновал лифт и бросился вниз по лестнице в подвал.

Внизу остановился, с трудом переводя дыхание. Нашупал на стене выключатель. Две длинные неоновые лампы тускло осветили узкий коридор без окон. По одной его стороне тянулись водопроводные трубы, по другой — запертые двери. У третьей двери я достал из кармана длинный ключ и вставил его в замочную скважину.

Дверь открылась в большую прямоугольную комнату. Два небольших запыленных окошка под потолком слабо освещали накрытую чехлами мебель, огромные коробки с книгами, посудой, одеждой, ис-

точенные жучком оконные рамы, деревянные столы и двери, раковины с известковым налетом и пирамиды стоящих друг на друге плетеных стульев. Повсюду груды старого барахла, диван с обивкой в синих цветах. Гора замшелых шерстяных матрасов. Собрание каких-то подшивок, изъеденных молью. Старые пластинки. Лампы с погнутыми абажурами. Изголовье кровати из кованого железа. Свернутые в трубку ковры. Огромный керамический бульдог с отколотой лапой.

В подвале была свалена в кучу обстановка квартиры пятидесятих годов прошлого века.

У другой стены стояла кровать. Рядом на низком столике аккуратно выстроились десять консервных банок с говядиной, двадцать с тунцом, три упаковки хлеба для сэндвичей, шесть баночек оливкового масла, двенадцать бутылок минеральной воды, фруктовые соки и кока-кола, банка “Нутеллы”, два тюбика майонеза, печенье, кексы и две плитки молочного шоколада. На ящике — небольшой телевизор, игровая приставка, три романа Стивена Кинга и несколько комиксов “Марвел”.

Я запер дверь.

Вот тут я и проведу мою “лыжную неделю” в горах.